

Сетин
СААДИ

РАЗВОД

ЗАМУЖ ЗА СПАСАТЕЛЯ

Селин Саади

Развод и замуж за спасателя

<https://litres.ru/74214394>

Аннотация

— Вот, — я выкидываю все его вещи в прихожую: — Я тебе даже помогла. Не благодари.

Муж снисходительно смотрит на мусорные мешки, затем на меня. С совершенно спокойным видом кладет ключи на тумбочку, медленно стягивает свое пальто...Этот вид грязного победителя раздражает до кончиков ногтей.

Я прямо готова вцепиться ему в лицо за эту боль, что раскурочивает внутренности. Только он не увидит ни одной моей слезинки.

— Подумай дважды, Полина, — лениво стряхивая невидимую пылинку с рукава тянет он: — Тебе же их потом и гладить.

— После сегодняшнего шоу я больше никогда не буду гладить твои рубашки.

— Я же сказал, это исключительно в целях сброса напряжения.

Скрещиваю руки на груди, а перед глазами до сих пор его кабинет и голая, резко побледневшая медсестра.

— Да-да, чтобы рука со скальпелем не дрогнула. Илья, перестань, — я даже морщусь от того, насколько мне противно:— Это дешево и грязно...ты хотя бы постыдился прямо в клинике,

— качаю головой и киваю на мешки: — Но уже неважно... забирай свои вещи и выметайся.

#противостояние характеров #сильная героиня #врачи
НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И
ПОСТАВИТЬ ♥#

Книга - участник литмоба "Спасатель твоего сердца"

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1

— Полина Викторовна, блестящая речь! Я так рада, что вы согласились выступить... Пойдемте пригубим шампанского в честь такого события, — улыбается мне Анна Земская, организатор симпозиума по интенсивной терапии.

— Благодарю Анна Сергеевна, но я поеду. Работа не ждет, — отмахиваюсь, прикрываясь операционной.

На самом деле, я не люблю все эти встречи в коктейльных платьях с гордо поднятыми головами. Здесь практически каждый второй лицемер, и все то, что они говорят нужно делить на два. Однако, отказаться выступить с речью являясь ведущим реаниматологом элитной клиники, я не могла. Илья бы точно не простил.

Вспоминаю то, как муж уговаривал меня пойти и обещал даже график мне подстроить вместе с совместным отпуском. Которого у нас не было года так два...

Илья первоклассный хирург. На самом деле, невзирая на то, что я реаниматолог, он многому меня научил. Если уж кого и звать богом швов, так это точно он.

Прощаюсь с организаторами и коллегами, а затем тихонечко сбегаю. Когда оказываюсь на улице, радуюсь, еще не севшему солнцу, и натянув солнечные очки иду к машине.

Муж наверняка еще на работе, плановых операций сегодня не было, значит зарыт в бумагах.

Когда включается экран в машине, встроенный навигатор предлагает выбрать маршрут.

Высвечиваются два пути: дом и работа.

По плану можно было бы приготовить ужин и дожждаться Илью дома. Или поехать к нему, пересесть в одну машину, оставив вторую у клиники, и сходить в ресторан. Или вместе заехать в магазин?

Удобство, когда работаешь с мужем, то, что вам всегда по пути.

Палец замерев у экрана, выбирает путь, нажав на кнопку работа. И я включая какую-то спокойную радиоволну вырливаю в поток машин.

Илья довольно притязательный в еде, и очень любит запеченую рыбу с тар-таром, поэтому мы можем поехать в его любимый ресторан на набережной. Я бы, если честно, съела кусок мяса, и салат с ростбифом... В плане обедов и ужинов у нас всегда так. Помню, как перед свадьбой семь лет назад, мы буквально бились за то, что будет на столах.

Семь лет, а ощущение, как вчера.

Нет, безусловно мы изменились, стали где-то жестче, потерлись друг к другу. Опять же выросли профессиональнее, потому что вместе с ординатуры пошли работать. Тем не менее, как однажды сказал мой муж, наш брак это тихая гавань после напряженных будней в операционной.

И я согласна.

Помимо того, что мы можем спорить на счет пациентов,

он всегда поддерживает меня и помогает, когда на меня находит легкая паника в критический момент.

Правда, такое было однажды, когда у меня изначально были сомнения в отношении падающего давления, и мы могли бы не допустить остановку сердца, если бы я послушала себя.

С тем пациентом все в порядке, операция была успешной, однако этот случай научил меня слышать свою интуицию.

Вот и сегодня с самого утра, я то опаздываю, то забыла про критически низкую отметку бензина в баке. И даже сейчас, когда симпозиум прошел, я отстрелялась, а внутри все равно напряжение.

Въезжаю на парковку клиники спустя час с лишним, и когда выхожу, довольная своей идеей о спонтанном свидании, убираю ключи от машины в клатч.

Прямоком иду к лифту, коротко кивнув в сторону администратора. А когда наконец, оказываюсь на пятом этаже, то глянув в отражение поправляю чуть сбившиеся рыжие локоны, и платье.

В коридоре звук моих каблучков без бахил раздается с глухим стуком, и когда я подхожу к кабинету, то уже улыбаюсь в предвкушении нашей встречи.

— Сюр... — открываю дверь, а звук теряется где-то в гор-
тани: — Приз.

Илья развалившись на своем кожаном диване сидит со спущенными штанами, а над его пахом усердно работает наша медсестра Алина.

— Ты...

Слова буквально застревают в горле, зато девица, увидев меня вспыхивает красным цветом и утирает рот рукой.

Фу. Мерзость.

— Поль, только не устраивай истерик, — он неторопливо поправляет свою рубашку, которую я утром гладила: — И дверь закрой, а то кто-нибудь увидит.

От такого похабства и наглости я буквально задыхаюсь.

— Илья, ты за кого меня принимаешь? — шиплю я наконец осознавая, что он, черт возьми, делает и что говорит: — Ты...

Перевожу глаза на девицу, что сжавшись в комок сидит на диване.

— А ты думала по карьерной лестнице пойти?! — голос вибрирует напряжением и становится жестче: — Только вот Илья Николаевич не участвует в кадровых расстановках с младшим персоналом, Алиночка. Это тебе к Вере Ивановне, только с ней рот для слов использовать нужно, а не для...

— Полина. — резкий голос Ильи перебивает меня, и я скрещиваю руки на груди презрительно усмехаясь в ожидании: — Я шесть часов собирал по кускам пациента, мне нужно было сбросить напряжение. К нашей семье это не имеет никакого отношения. Алина, можешь быть свободна.

Он буднично застегивает свой ремень, глядя на меня исподлобья. Я даже не в силах ахнуть, просто хлопаю глазами от такой шоковой терапии.

Качаю головой, потому что в голове вспыхивают вопросы: а сколько таких было? После каждой операции? Или только когда тяжелые?

А кто я? Статусная жена реаниматолог, с которой не стыдно ходить под руку...?

О боже.

Киваю сама себе и достаю из сумки бейдж клиники, а затем и стягиваю обручальное кольцо.

— Хорошо, Илья, — шлю в него фальшивую улыбку: — Сбросил напряжение? Молодец. А теперь можешь сбросить со счетов и нашу семью.

Оставляю на полке стеллажа вещи и разворачиваюсь, чтобы открыть дверь.

— Полина, не смей вот так уходить, мы не договорили....

— Я подаю на развод, и увольняюсь, Илья Николаевич.

Глава 2

Как доезжаю до нашей квартиры, даже не помню.

А свое состояние могу описать, как наркоз. Я абсолютно не понимаю почему, но у меня нет слез. Просто какой-то бушующий адреналин в крови от того, как цинично и просто все оказалось для него.

Наш брак, о котором я вот...сколько час назад...рассуждала.

Тихая гавань...Серьезно?!

Усмехаюсь качая головой, и тру глаза.

Квартира в своей ослепительной чистоте, глянцевая плитка, светлый дуб...все в лучших дизайнерских традициях, а внутри пустота. Место, которое я еще вчера любила сегодня отдает какой-то гнилью. Пахнет искаженным идеальным миром. И для кого он искажен, а для кого идеален, теперь стало понятно.

Встаю с банкетки молочного цвета, и громко стуча каблуками по паркетудвигаюсь в спальню.

Когда раскрываю широкие двустворчатые двери гардеробной, свет автоматически включается. Взгляд тут же ведет направо, где висят идеально отутюженные и отпаренные костюмы, рубашки, свитера. Все идеально...От темного к светлому...

Чувствую как злость обрушивается на меня с эффектом

бетонной плиты. Буквально придавливает грудь до невозможности дышать.

Но меня уже не остановить.

Пять минут, чтобы вернуться на кухню, взять мусорные пакеты, а затем еще десять, чтобы скинуть все эти идеальные вещи и затолкать в мешки. Комкая и сминая, чтобы просил своих шлюх выглаживать ему все эти ткани.

Резать не буду, потому что львиную долю этого добра покупали мы вместе. Да и едва ли одежда виновата, что носит ее мерзавец.

Когда несколько баулов собраны, я тащу их по полу с противным шелестом на всю квартиру. Правда, не успеваю даже выйти в коридор, как слышу щелчок замка.

— Вот, — не останавливаясь, буквально выкидывая все это в прихожую: — Я тебе даже помогла. Не благодари.

Илья снисходительно смотрит на мешки, затем на меня. А после с совершенно спокойным видом кладет ключи на тумбочку, стягивает свое пальто... Этот вид грязного победителя раздражает до кончиков ногтей.

Я готова вцепиться ему в волосы за эту пустоту и боль, что раскурочивают внутренности. Только он не увидит ни одной моей слезинки.

— Подумай дважды, Полина, — начинает он медленно выполняя свои рутинные действия: — Тебе же и гладить потом.

Не удерживаю звучный смешок, глядя на то, как он рас-

стегивает запонки и наконец, останавливается напротив меня.

— После сегодняшнего шоу, я больше никогда не буду гладить тебе твои рубашки.

— Я же сказал, это исключительно в целях...

— Да-да, чтобы рука со скальпелем не дрогнула, Илья, перестань, — я даже морщусь от того, насколько мне противно:— Это дешево и грязно...ты хотя бы постыдился прямо в клинике, — качаю головой и киваю на мешки: — Но уже неважно...забирай свои вещи и выметайся.

Он на секунду хмурится, и делает еще шаг ко мне.

— Не подходи ко мне.

— Поля, ты серьезно думаешь, что при разводе эта квартира останется тебе?

— Раздел имущества будет пополам. Она куплена в браке, брачного договора нет, делим и расходимся как корабли.

Пока я чеканю каждую букву, он качает головой.

— Нет, милая. Не выйдет. Мы этот день с тобой забудем и продолжим...

— Хватит! — резко обрубаю его: — Я тебе не твои шлюхи, и терпеть не буду. Не уйдешь ты, хорошо...я не буду закрываться в комнате. Но по праву половина здесь принадлежит мне, и мой адвокат завтра положит иск с этим требованием.

Хватаю пальто, заметив как расширяются его ноздри. Он засовывает руки в карманы, наблюдая за моими действиями.

— Полина. Ты и сама знаешь, что ничего у тебя не выйдет.

— Это мы еще посмотрим, Илья. Ты сам говорил, что женат на лучшем реаниматологе...или это тоже ложь, как и весь наш брак?! — резко оборачиваюсь на него.

— Прекрати. Остановись! Если ты выйдешь за эту дверь, тебя не возьмут ни в одну клинику. Будешь начинать с нуля, как обычный рядовой сотрудник! Полина!

Что он говорит мне дальше, я уже не слышу, потому что дверь с громким хлопком закрывается, а я стремительно влезаю в лифт. Его створки плавно смыкаются, отрезая меня от моего насквозь гнилого брака.

Только сейчас, когда кабина бесшумно скользит вниз, я позволяю себе выдохнуть. Воздух со свистом вырывается из легких, царапая горло. Наркоз постепенно начинает отпускать, и на его место приходит жгучая, пульсирующая боль, отдающая куда-то под ребра.

Обычный сотрудник, значит?

Усмехаюсь, глядя на свое бледное отражение в зеркальной панели лифта. Илья слишком привык к стерильности своих элитных клиник. Он забыл одну простую вещь, я по профессии не боюсь ни чужой грязи, ни чужой крови. Плотнее запахиваю пальто и решительным шагом выхожу из подъезда прямо под ледяной ветер. Он бьет в лицо, путая волосы и высушивая глаза, в которых так и не появилось ни одной жалкой слезинки.

Глава 3

— Полина Викторовна, здравствуйте, это Светлана, Ильинская больница, вы были...

— Да, да, здравствуйте.

Застываю прямо посередине дороги.

— К сожалению, ваша кандидатура нам не подходит. Мы вынуждены отказать вам...

Дальше я уже не слушаю, прикрываю глаза и отключаю вызов.

Это пятый отказ.

И это пять мест, в которые я бы с удовольствием устроилась.

Он прямо слово свое держит. Мужской поступок.

Хочется от досады себя пожалеть, но я снова делаю шаг и подхожу ближе к центру катастроф.

Две государственные больницы, которые были вчера, полагаю, тоже откажут, потому что у него достаточно связей и там. А вот здесь...здесь он не властен.

Это спасатели, это люди которые трудятся в полевых условиях. Федеральный центр медицинских катастроф...а Илья, он царь в стерильно чистой и комфортной обстановке.

Остается вопрос подойду ли я им, и справлюсь ли? Но от-чего-то кажется, что это абсолютно иной уровень.

Поправляю свой строгий костюм, переступая наконец

двери здания.

Меня провожают куда-то в коридор, где я вижу, как догадываюсь, других кандидатов.

Я прекрасный специалист своего дела... правда, как бы я ни была уверена в себе, когда ты каждый день встречаешься лбом со стеной, эта уверенность понемногу испаряется.

И только знание, что руки Ильи не доберутся досюда, дают мне возможность не впадать в панику.

— Полина Викторовна... Черкасова?

— Я, — встаю, поправив пиджак, и меня провожают в кабинет.

Здесь пахнет старой мебелью и мужским парфюмом.

— Присаживайтесь, — говорит мне мужчина лет пятидесяти: — Я начальник отдела кадров в данном учреждении, Афанасий Витальевич.

— Очень приятно.

— Я не буду ходить вокруг да около... Если все в вашем резюме чистая правда, то у меня к вам только один вопрос.

С легкой улыбкой киваю.

— Как после медицинского симпозиума на межрегиональном уровне вы оказались здесь? — он разводит руками, и снимает очки.

Его прищуренный взгляд явно готовится читать мой ответ, как детектор лжи. Но я и не собиралась врать, это кредо моего «мужа».

— Поверьте, я и сама еще позавчера не знала, что окажусь

здесь.

— Тем интереснее услышать ваш ответ.

Он хмуро смотрит, а я набираю в легкие воздух.

— У вас ведь вакансия Старшего бригады, верно? Я на это способна, а то, что привычная операционная вокруг меня сменится на нетривиальные условия, это скорее плюс к моему резюме и опыту.

— И тем не менее, что подтолкнуло вас? Вы ведь понимаете, наша структура платит меньше, чем вы получали ранее, если исходить из финансового вопроса. А если рассматривать сторону благородства...и желания помочь людям, то в нашем варианте гораздо больше летальных случаев...

Опускаю взгляд на руки, которыми всегда гордилась сидя в своем просторном кабинете.

— Может быть, хочу проверить себя на прочность?

— О, это вы по назначению пришли, уважаемая Полина Викторовна.

— У меня действительно есть причины, почему я сегодня здесь и они относятся к той стороне моей жизни, которую я никак не соотношу с работой. Но что действительно важно, — сейчас я твердо глядя в глаза мужчине говорю чистую правду: — Если я смогу спасти еще больше людей отсюда, если есть хоть толика вероятности, что я стану здесь нужной, как думаете, я выберу лощеный кабинет с плановыми дорогостоящими операциями?

— То есть деньги для вас не играют роли? Вы не подумай-

те, я спрашиваю не для того, чтобы вас задеть... В нашем мире, к сожалению, сейчас жить не так-то просто.

— Не переживайте, у меня есть вклад, который выручит меня в трудную ситуацию, — улыбаюсь мягко.

И это правда. Открывала я его не так давно, но кое-какие сбережения есть. Они и помогают сейчас искать жилье, чтобы сменить номер в отеле.

Вероятнее, будь я в финансовой яме, то мне было бы страшнее, но это бы не отменило моего решения о разводе.

— Принято, Полина Викторовна. Завтра у вас пробная смена. Если вы проявите себя способной работать в экстренных условиях, и сможете расположить к себе команду, кто я такой, чтобы вам мешать.

Он вновь надевает очки, а я не скрывая вздоха облегчения и улыбки, встаю с кресла.

Выхожу за дверь, теперь уже позволяя себе, наконец, расслабиться.

Теперь уже плевать на отказы с больниц, главное, что мне есть куда выходить завтра.

Да, эта неизвестность немного пугает, но это гораздо лучше, чем искать того, кто захочет противостоять Илье.

Возвращаюсь в отель с прекрасным настроением. Все получается: встреча с хозяином съемной квартиры назначена на среду, если все сойдется, то я там и останусь, ФЦМК ждет моих навыков, чтобы выдать окончательный вердикт, а адвокат, предвосхищая битву за площадь, планирует работу над

разводом.

Вхожу в широкие двери небольшого отельного комплекса. Да вот только настроение сразу падает.

Он сидит в кресле, неподалеку от стойки ресепшен, лениво перелистывая страницы какого-то журнала. Вскидывает свои глаза как только слышит звук моих каблуков о глянцевую плитку. Я же гордо держу голову, посылая вежливую улыбку администратору.

— Здравствуйте, ключ от пятисот седьмого, пожалуйста.

Стою спиной к нему, но чувствую его взгляд. Илья буквально пытается им уничтожить.

— Полина.

— Ты зря приехал. — забираю ключи со стойки, и не глядя на него, иду в сторону лифта: — И на твоём бы месте, я не испытывала судьбу.

Наконец, смотрю в его глаза.

— Поля, — он стоит с прищуренным взглядом, засунув руки в карманы: — Я понимаю, что ты зла, но не устраивай детский сад. Это. Ничего. Не. Значит. Я не позволю тебе водиться со всякими отбросами, — последнее он намеренно произносит по слогам: — Ты привыкла к комфорту и стерильности, через неделю в грязи и с мужиками в берцах, ты взвоешь и сама прибежишь ко мне. А я подожду.

Качаю головой с горькой усмешкой на губах. Явно уже откуда-то выяснил куда меня взяли на пробную смену.

Делаю шаг ближе к нему, не скрывая презрения.

— Вот именно, что твои слова теперь ничего не значат. —
цежу, вкладывая в каждый звук собственную злость.

Его напряженная челюсть будто сейчас треснет, а глаза сканируют мои, пытаются загипнотизировать, чтобы я стала послушной зайкой. Но для этого у него теперь есть прелестная нимфа.

Дорогие читатели! ♥#

Приветствую вас в своей, искрящей эмоциями, новинке!

Сердечно прошу вашей поддержки на старте! ♥#

Обещаю, в долгу не останусь ####

Глава 4

Вчерашняя стычка с Ильей сделала свое. Спала я отвратно, и потому всю дорогу до работы я пытаюсь сосредоточиться, и сконцентрироваться на сложный день.

Первый день ведь всегда такой, и неважно врач ты высшего разряда или продавец.

В каждой больнице свои порядки, пускай и относятся они к общепризнанным нормам. А уж тем более в такой структуре как федеральный центр медицинских катастроф, вообще отдельный регламент.

Выхожу из машины, и прежде, чем войти внутрь, загадываю желание, чтобы у меня все сегодня получилось.

Как только ноги оказываются в помещении, в ноздри ударяет запах старой мебели и табака. А еще как будто пахнет машинным маслом.

Озираюсь, наблюдая зонирование, правда даже несмотря на то, что стоят явно стены из гипсокартона, помещение в принципе больше похоже на ангар.

Хочу уточнить, где находится бригада медиков, с которыми я буду теперь работать. Но только грузно спешащий мимо меня мужчина в форме МЧС даже не обращает внимания на мою попытку.

Вдалеке, в узком коридоре, замечаю девушку, которая собирает какие-то документы. Двигаюсь туда, поправляя свою

сумку на плече.

— Здравствуйте, я Полина Викторовна, старший врач...

— А, — она бегло оглядывает меня с ног до головы: — Ильич, глянь, наш-то прав был. — она кричит кому-то вкладывая в слова неизвестный мне смысл: — Я Жанна, здесь у нас спасы, — она кивает на дверь, за которой я замечаю, как несколько человек тестируют огромные гидравлические ку-сачки, больше похожие на челюсти механического динозавра.

Замираю на секунду, ошарашенно наблюдая, как легко эти стальные лезвия перекусывают толстый металлический прут.

— Твои вот там, — она указывает в другую сторону, где виднеется отдельный вход.

— Спасибо.

Бросаю короткую улыбку и спешу в сторону заветной двери. Правда не успеваю я и трех шагов сделать, как на все здание раздается сигнал тревоги. Подскакиваю на месте, озираясь по сторонам.

В одно мгновение все приходит в движение. Несколько человек выбегают с теми же ножницами, на ходу натягивая костюмы.

— Тревога! Первая бригада на выезд! Код красный!

— Эй, ты в первую бригаду! — Жанна дергает меня за рукав, и я ей киваю, ускоряясь: — Бегом в боксы! Иначе эти психи без тебя уедут! — она тянет мне объемную куртку и

показывает в ту сторону, откуда я пришла.

Перехватываю спецовку, которая весит, кажется, целую тонну, и на ходу вдеваю руки в рукава. Бегу сама не зная куда, ориентируясь только на топот чужих тяжелых ботинок.

Чёрта с два я сорву свой первый вызов.

— Где, мать вашу, медики?! — ревет кто-то рычащим, злым басом.

Вылетаю в холодный ангар к желтому кузову реанимобиля и тяжелому спецтранспорту МЧС.

— Я врач! — подрываюсь к высокому мужчине.

Он вздергивает бровь, хмуро усмехнувшись.

— Где ты шастаешь? Счет на секунды. — мрачно тянет он и разворачивается.

От такого «теплого» приема, я теряюсь. В клинике даже хирурги со мной не смели так общаться.

Но, безусловно, здесь и не клиника.

Я сглатываю возмущение, запрыгиваю в салон реанимобиля, и с грохотом затягиваю за собой сдвижную дверь.

Внутри уже сидят двое фельдшеров в такой же форме, как на мне.

— Всем добрый день, я Полина, старший врач, — тяжело дыша, пытаюсь сразу наладить контакт.

— Привет, док, — отзывается высокий худощавый парень, проверяя укладку: — Я Ваня, можно просто Сокол. А это Петруха. — он показывает на блондина рядом с собой, тот мне кивает: — Зря ты Макара разозлила, он на вызов

идет всегда как на войну.

Не успеваю даже отойти от их «позывных».

— Макара? — переспрашиваю я.

— Командира спасов, — блондин кивает в сторону кабины спецтранспорта, где скрылся тот самый суровый мужлан.
— Да ты не дрейфь, док. Босс нормальный, просто не выносит, когда время утекает сквозь пальцы.

Киваю, цепляясь за поручень, когда машина с ревом вырывается из гаража.

— Если честно, — ровно произношу я, восстанавливая дыхание: — Мне не мешает краткая инструкция, как здесь всё устроено. Желательно до того, как мы прибудем на место.

— Значит так, Полина Викторовна, — Сокол натягивает синие нитриловые перчатки, перекрикивая вой сирены: — Правило на совместных вызовах одно, и оно написано кровью. Спасы командуют периметром, мы — пациентом.

— То есть? — хмурюсь я, проверяя замки на тяжелой оранжевой укладке.

— То есть, пока Макар не даст зеленый свет, в зону поражения не лезть. Как бы страшно там кто ни хрипел. Его ребята фиксируют машину, режут металл, снимают клеммы с аккумуляторов, чтобы мы не взлетели на воздух вместе с каретой. Если металл гнется, а ты полезешь — Макар тебя сожрет. Он на технике безопасности помешан.

Я стискиваю зубы. Не то, чтобы я злюсь, но...

— Я в медицине катастроф планирую работать не для то-

го, чтобы стоять в сторонке и смотреть, как у пациента наступает клиническая смерть.

Петр, второй фельдшер, лишь многозначительно переглядывается с этим Соколом.

— Просто не лезь поперек батьки, Полина Викторовна. Себе дороже.

Машину резко дергает вправо, визг тормозов бьет по барабанным перепонкам. Приехали.

Что ж, сначала спасем людей, а потом разберемся с остальным.

Дорогие мои, спасибо вам ♥️#

Глава 5

Дверь машины отъезжает в сторону, и в салон врывается ветер, смешанный с едким запахом жженой резины, разлитого антифриза и крови.

Спрыгиваю на асфальт, на ходу подхватывая свою пятнадцатикилограммовую укладку.

Жесткое лобовое, легковушку буквально вмяло под грузовик. Передняя часть машины превратилась в гармошку.

Из красной машины МЧС уже высыпали спасатели. Тот самый Макар командует ими, перекрикивая шум трассы. На нем тяжелая боёвка, в руках рация, он словно регулировщик в этом филиале ада.

— Башмаки под колеса! Собирай гидравлику! Срезать стойки, крышу убираем! — рычит он, и его люди действуют с пугающей синхронностью.

Я подлетаю ближе к покореженной легковушке и заглядываю в разбитое окно.

Водитель зажат панелью.

Лицо серое, грудная клетка не двигается, на шее вздулись вены.

Точно напряженный пневмоторакс. Воздух скапливается в плевральной полости, сдавливая легкие и сердце.

У него даже нет минут, пока они будут аккуратно резать крышу.

— Ваня, готовь декомпрессионную иглу и катетер! — кричу я, делая шаг к искореженной двери.

Не успеваю я занести ногу над битым стеклом, как меня грубо дергают назад.

Широкая ладонь в тактической перчатке мертвой хваткой впивается в капюшон моей куртки. Сила рывка такая, что я отлетаю на шаг и врезаюсь спиной во что-то твердое.

— Куда лезешь?! — голос этого устрашающего Макара звучит над самым моим ухом, от страха заставляя внутренности на секунду сжаться: — Машина нестабильна! Жди!

— У него остановка дыхания! — я выкручиваюсь из его хватки, разворачиваясь к нему лицом.

Мы с грозным дровосеком оказываемся непозволительно близко. Запах бензина будто поджигает собственный адреналин.

— Через полминуты он будет трупом! Мне нужен доступ! Карие, почти черные глаза командира вспыхивают глухой яростью.

— Если этот кусок железа сорвется с моста, трупами будете вы оба! Это моя зона, а ты не лезь.

Его тон, этот ледяной контроль... всё это мгновенно бьет по моим оголенным нервам. Внутри вспыхивает слепая, чистая злость, да какого черта!

Моя задача сделать все возможное, чтобы помочь.

— А пациент — мой, — чеканю я ему прямо в лицо.

Ощущение, что здесь все вспыхнет не из-за дыры в бен-

зобаке, а от этого упрямого противостояния между нами.

Я резко бью его по руке своей укладкой. Этот медведь от неожиданности чуть разжимает пальцы, но мне хватает этой доли секунды.

Нырять под спасательную ленту и протискиваюсь в изуродованный дверной проем, прямо на засыпанное стеклом сиденье пассажира.

Острые края металла распарывают рукав моей куртки, но плевать. У меня есть лишь несколько секунд.

За спиной слышится отборный, тяжелый мат, но я концентрируюсь на том, что должна сделать.

— Петр, иглу мне, быстро! — ору я фельдшеру, нащупывая второй межреберный промежуток на груди водителя.

В эту же секунду покореженный кузов издает тошнотворный скрежет, металл проседает, накреняясь.

Я понимаю, что проем, в котором я нахожусь, начинает схлопываться. Инстинкт самосохранения орет бежать, но пальцы уже зажимают иглу.

В следующее мгновение дневной свет будто закрывает огромная тень.

Бросаю быстрый взгляд в сторону, но ненавистный МЧС-ник не вытаскивает меня за шкирку, вместо этого он сам вваливается в салон.

Упирается ногами в пол, а плечами и спиной вминается в проседающую крышу.

О боже...

Его мышцы напрягаются так, что я действительно слышу треск ткани боёвки. Но он физически, на одной только нечеловеческой силе блокирует сдвиг металла, становясь живым распорным щитом надо мной.

— Коли, мать твою! — хрипит он сквозь стиснутые зубы, удерживая вес машины.

Киваю, и молча всаживаю иглу в грудную клетку водителя. Раздается характерный свист выходящего воздуха, а пациент судорожно делает первый самостоятельный вдох.

Его грудь опадает, лицо начинает розоветь, а я тихо выдыхаю.

Ледяной пот прошибает кожу, а руки дрожат. Отрываю глаза от пациента, лицо грубияна спасателя находится в жалких десяти сантиметрах от моего. Я вижу каждую каплю пота на его лбу, глубокий шрам у виска и темный огонь в глазах.

Он тяжело дышит, его грудь вздымается, задевая мое плечо.

Мы фактически зажаты в тесной железной коробке вместе с полумертвым пациентом.

— Ты отбитая наглухо, Черкасова, — выдыхает он низко. И в этом голосе я слышу только мрачное, тяжелое обещание проблем.

— А ты отличный домкрат, командир, — приподнимаю подбородок выше и огрызаюсь пересохшими губами, не отводя взгляд.

Воздух между нами коротит, ощущение будто даже запах

гари чувствуешь. Мы прожигаем друг друга глазами, и я осознаю, что мои будни, если я все-таки останусь, будут крайне насыщенными.

Однако, какая бы тут иерархия не была, у каждого из нас свой кодекс.

Дорогие мои!
 В рамках нашего литмоба «спасатель твоего сердца»

у Ольги Тимофеевой стартовала эмоциональная новинка!

Спасатель семейного режима

https://litnet.com/shrt/M8k_

– Кем работаешь, Матрешка?

 – Врач-репродуктолог я.

 – Оу, эт которая помогает детей делать?

 – Нет. Это которая помогает тем, у кого без моей помощи не выходит.

 Я каждый день помогаю другим людям стать родителями.

 А сама никогда не смогу родить без чуда.

 Чудо в мою жизнь врывается, но другого плана. Гордей. Пожарный. Тренер для трудных мальчишек. И мужчина, которого трудно представить рядом с детьми, но они его при этом слушаются и уважают.

 – Матрешка, а мне можешь помочь?

 – В каком смысле?

 – В прямом. Мужикам ты детей не делаешь, я понял. Но, может, подберешь мне женщину, которая мне родит. Жены у меня нет. А ребенка я хочу.

 – Так найди жену, в чем проблема.

– Женщинам “проблемные” мужики не нужны. А я из тех, кому надо “помочь”.

https://litnet.com/shrt/Ij_Q

Глава 6

В салоне реанимобиля пахнет кровью и медикаментами.

Моя стихия и единственное место, где нет чужой ярости и моего собственного страха.

— Дофамин, быстро! — командую фельдшеру, вглядываясь в цифры на мониторе.

Водитель гонит по встречке под вой сирены, машину бросает из стороны в сторону, но я стою на ногах уверенно. Я качаю этого парня всю дорогу до больницы, буквально зубами вырываю его у смерти, компенсируя кровопотерю, контролируя трубку ИВЛ.

Когда мы влетаем в приемный покой дежурной травматологии и я передаю каталку местным реаниматологам — он живой. Стабильно тяжелый, но живой.

— Отличная работа, — бросает хирург приемного, забывая пациента.

Я киваю, стягиваю окровавленные перчатки и бросаю их в пакет для утилизации. Руки больше не дрожат, а внутри только звенящая пустота и глухая, свинцовая усталость.

Первое дежурство в ФЦМК выпотрошило меня до дна. Вновь иду обратно, а уже через сорок минут наша «Газель» заруливает в огромный ангар базы.

Я вываливаюсь из кабины, чувствуя только одно желание залезть под горячий душ, чтобы смыть с себя этот бесконеч-

ный день. Смыть запахи, которые въелись прямо в кожу.

«Пиши рапорт, док...»

Рычащий голос командира спасателей снова звучит в голове.

Самодур. Неандерталец с гидравликой.

Я плохо ориентируюсь на базе, утром я даже и не увидела, где женская раздевалка. Брожу по длинному коридору, пытаюсь найти автомат с кофе. Из открытых дверей сушилки тянет влажным паром и дешевым мылом.

Наконец, замечаю мигающую панель автомата.

— Первое дежурство — и сразу под завалы? С боевым крещением, док.

Я вздрагиваю и оборачиваюсь. Передо мной стоит высокий блондин в чистой темно-синей форме спасателя. Идеально выбрит, уверенная улыбка, оценивающий взгляд, медленно скользящий по моей фигуре от растрепанных волос до грязных штанов медицинского костюма.

Я его не знаю. Утром было слишком много людей, кто приходился здесь, а поговорить я ни с кем особо даже не успела.

— Спасибо, — сухо отвечаю я, забирая пластиковый стаканчик с обжигающим эспрессо.

— Глеб, — он протягивает руку совершенно не похожую на те огромные, в шрамах ручищи, что выдернули меня из покоренной машины: — Командир второй бригады ПСО. А вы, стало быть, Полина Викторовна. Новенькая, сбежавшая из элитной клиники в наши грязи.

Он прислоняется плечом к автомату, перекрывая мне дорогу.

— Весь эфир гудел, — усмехается он: — Наш Макар орал так, что у диспетчеров уши закладывало. У него пунктик на устав, он скорее даст пациенту остыть, чем разрешит нарушить ТБ.

Я хмурюсь, слушая речи этого человека. Мне неприятен его тон и нарушение личных границ. Я могу быть недовольна командиром отряда за его грубость, но мы с ним только что вытащили человека с того света.

— Я сама разберусь с тем, кто на меня орет, позвольте пройти?

Глеб не двигается, его улыбка становится шире, а взгляд откровенно сальным.

— Да бросьте, Полина. Зачем терпеть такое отношение? Вы наверняка сидели в чистеньком кабинете и принимали пациентов в красивых палатах, так что работать с...некомпетентными сотрудниками... — он театрально вскидывает брови: — Моя бригада всегда открыта для таких красивых врачей. Со мной вам не придется слушать приказы матом.

Он делает шаг ближе, еще наглее нарушая мое личное пространство.

— Может, выпьем кофе где-нибудь не в этом гараже? Я знаю отличный способ снимать адреналиновый стресс после первой смены.

Я набираю в грудь воздуха, чтобы жестко поставить этого

пикапера на место, но даже не успеваю произнести ни слова.
— Отойди от нее.

Голос бьет хлыстом, низкий, хриплый и пробирающий до костей. Мы оба резко поворачиваем головы.

Тот самый командир стоит в дверях раздевалки. На нем только черная влажная футболка, облепляющая мощный торс, и форменные штаны. Волосы мокрые после душа. Шрамы на предплечьях кажутся белыми полосами на фоне напряженных мышц.

Он смотрит на этого Глеба так, что температура в коридоре, кажется, падает ниже нуля. Блондин медленно выпрямляется, улыбка сползает с его лица, но он не спешит отступать.

— А то что, Соболев? — Глеб кривит губы: — Рапорт на меня напишешь? Я знакомлюсь с новенькой. Пытаюсь, между прочим, сгладить впечатление от базы после того, как ты на нее сорвался.

Макар делает шаг вперед, как танк, готовый снести любое препятствие.

Его взгляд скользит по Глебу, а затем останавливается на мне. И в этом взгляде столько темного бешенства, что у меня холодеет внутри.

Командир второй бригады медленно выпрямляется. Улыбка сползает с его лица, но он не спешит отступать.

Макар подходит вплотную, настолько близко, что я чувствую жар, исходящий от его влажной кожи. Не говоря ни

слова, он просто задвигает Глеба плечом, физически вставая между нами.

— Твоя смена сдана, Ковалев, — голос Макара звучит тихо, но от этого ледяного тона по позвоночнику бегут мурашки: — Иди в сушилку. И чтобы в радиусе пяти метров от моих людей я тебя больше не видел.

Глеб поднимает руки, сдавая назад.

— Понял-понял, командир, — бросает он, отступая на шаг. — Твоя территория. Не кипятись.

Блондин стреляет в меня последним сальным взглядом:

— До встречи, Полина Викторовна.

Разворачивается и уходит по коридору, стараясь не терять достоинства, но шаг у него слишком быстрый.

Мы остаемся вдвоем.

Только я, Макар и гудение кофейного автомата.

Я выдыхаю, собираясь сказать дежурное «спасибо», хотя он снова повел себя как диктатор. Но не успеваю, он поворачивается ко мне. Ярость в его глазах никуда не делась — теперь она направлена на меня.

— Ты совсем идиотка? — рычит он, нависая надо мной так близко, что я вижу каждую каплю воды, стекающую по его шее: — У тебя смена закончилась сорок минут назад. Какого черта ты здесь стоишь и развешиваешь уши?

Вся моя благодарность сгорает в секунду. Откат от адреналина, дикая усталость и его несправедливые обвинения сливаются в один взрывоопасный коктейль.

— Я ждала кофе! — рывкаю я, сжимая пластиковый стаканчик так, что горячие капли выплескиваются на пальцы: — И я не развешивала уши! Я собиралась послать его к черту, пока вы, командир, не влезли со своей невоспитанностью.

— Правда? — он издевательски выгибает бровь: — Не сильно против ты была, Черкасова. Решила, что и здесь, как в своей элитной клинике можно крутить интрижки?

Эти слова бьют прямо в солнечное сплетение, даже чуть выше в свежую рану.

Интрижки.

Мой муж затащил шлюху прямо на свой рабочий стол. А этот неандерталец смеет обвинять меня в том же самом?!

Я делаю шаг навстречу, сокращая жалкие сантиметры между нами. Мне плевать, что он вдвое больше и плевать на его авторитет.

— Слушайте меня, командир, — шиплю я ему в лицо, дрожа от бешенства: — Я пришла сюда работать, вытаскивать людей из того дерьма, из которого ты их вырезаешь. И я буду это делать, нравится тебе это или нет. А с кем я говорю, как я говорю и где я стою — не твое собачье дело! Ты мне не муж и не нянька! Понял?

Макар смотрит на меня сверху вниз. Его челюсти сжаты так плотно, что ходят желваки. Я жду, что он сейчас заорет или прямо тут напишет идиотский рапорт. Но он делает совершенно непредсказуемую вещь.

Он медленно поднимает руку.

Я инстинктивно вскидываю подбородок, готовая отбиться, но его жесткие, шершавые пальцы лишь перехватывают мое запястье — то самое, где я сжимаю стаканчик с кофе.

Его хватка стальная, но неожиданно осторожная. Большой палец на секунду задерживается на моей пульсирующей вене.

— Если только ты пришла сюда играть в игры, Черкасова, — голос Соболева падает до опасного, вибрирующего шепота: — Увольняйся завтра же. Здесь людидохнут, пока такие, как мой коллега перья распускают. Но ты в моей бригаде...и ты подчиняешься моему уставу. Не имеет значения: на выезде ты или на базе.

Он отпускает мою руку так же резко, как и схватил.

Окидывает меня тяжелым взглядом с ног до головы, словно ставя невидимую печать после слов.

— Иди в душ, — приказывает он сухо: — От тебя несет бензином и кровью.

Он разворачивается и уходит по коридору, широкими шагами меряя пространство.

А я остаюсь стоять у автомата и тяжело дышу. Мое запястье горит от его прикосновения, а сердце колотится так, будто я только что пережила еще один вызов.

Глава 7

Спина гудит так, будто по ней проехался асфальтоукладчик. Я стягиваю форменную куртку, бросаю её на стул в комнате отдыха и с наслаждением растираю затекшую шею. Первый день на базе выжал из меня все соки.

Здесь пахнет крепким дешевым кофе, чем-то неуловимо тревожным и запахом постоянной готовности.

— Живая? — раздаётся от дверей бодрый голос.

Я оборачиваюсь и вижу Жанну, ту самую девушку-спасателя, которая утром, под вой сирены, буквально вытолкала меня к нужной машине. Сейчас на ней нет тяжелой боевки, только форменная футболка, подчеркивающая крепкие плечи.

— Относительно, — вымученно улыбаюсь я, подходя к кулеру за водой: — Пытаюсь вспомнить, как сгибаются ноги.

Жанна усмехается, наливая себе кофе в пластиковый стаканчик.

— Для первого дня ты отлично держишься, док. Я думала, после утреннего замеса ты сама рапорт на стол положишь. У нас тут мясорубка та еще.

— Не дождетесь, — я делаю большой глоток холодной воды.

— Соболев тоже так решил, — Жанна приваливается плечом к стене и делает глоток своего кофе: — Он тебе лист

стажировки подписал. Минут двадцать назад видела, как он бумагу старшему смены передал. Галочка стоит, допуск к самостоятельной работе есть.

Я чуть не давлюсь водой, закашливаюсь, прижимая ладонь к груди.

— Серьезно? — хриплю я, недоверчиво глядя на нее: — Он же весь день смотрел на меня так, будто я бомба замедленного действия.

Жанна тихо смеется.

— У Соболя на всех такой взгляд. Он параноик по части безопасности, но профи сечет сразу. А ты сегодня пацана с того света достала. Так что выдыхай, док, ты в обойме.

Но выдохнуть мне не дают. Очередной вызов срывает нас с базы за час до конца смены.

Обрушение строительных лесов на реконструируемом объекте.

Двое пострадавших.

Мы прибываем на место почти одновременно с красным фургоном спасателей. Я выскакиваю из реанимобиля, на ходу застегивая каску. В ушах шумит адреналин, но я жестко торможу себя. Никакой самодеятельности.

Останавливаюсь ровно за красно-белой лентой ограждения, вместе с Петром готовя укладки и носилки. Я вижу, как ребята Макара работают в облаке цементной пыли. Сам он, темная, мощная фигура в грязной боевке отдает короткие приказы. Они разбирают завал с пугающей, слаженной ско-

ростью.

Наконец, нам выносят первого пострадавшего. Я мгновенно включаюсь в работу.

Обезболивание, фиксация, воротник Шанца, капельница. Я действую строго по протоколу, не лезу в зону обрушения, дожидаясь, пока спасатели сами передадут мне второго. Идеальная работа по всем правилам безопасности.

Когда тяжелые двери нашей машины захлопываются за носилками, я на секунду оборачиваюсь.

Макар стоит в нескольких метрах. Снимает тяжелые краги, его лицо перепачкано пылью, челюсти плотно сжаты.

Я смотрю на него, внутренне ожидая хотя бы короткого кивка. Подтверждения, что я всё сделала правильно.

Он ловит мой взгляд, делает шаг навстречу. Его глаза, как два куска темного льда.

— Ремешок на каске болтается, — голос командира звучит ровно, но от этой холодности мороз дерет по коже.

Он протягивает руку и грубо, в одно движение, затягивает фиксатор под моим подбородком так, что я едва не прикусываю язык.

— Один прилетевший сверху кирпич, и нам придется вызывать вторую бригаду уже для реаниматолога. Включай голову, Черкасова.

Он разворачивается и уходит к своей машине, оставляя меня стоять с пылающими щеками.

Я сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони.

Непробиваемый диктатор. Ощущение, сто его план в том, чтобы я ушла, словно для него я ходячая проблема.

Но как я и сказала Жанне, не дождетесь, товарищ командир.

Смена заканчивается поздно вечером. Я заказываю такси до отеля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.